

РЕЦЕНЗИИ

Э.М. Береговская. Арго и язык французской художественной прозы XX века (50–70-е годы). Смоленск. Издательство СмолГУ, 2009. 356 с.

В 2009 г. в издательстве Смоленского государственного университета вышла в свет монография Э.М. Береговской «Арго и язык французской художественной прозы XX века (50–70-е годы)».

Э.М. Береговская является одним из первых исследователей французского арго. Рецензируемая монография написана на основе докторской диссертации автора.

Отметим, прежде всего, что в рецензируемой книге тщательно разработаны терминологические вопросы. Так, опираясь на достоверные французские источники, автор прослеживает появление и эволюцию терминов «жаргон» и «арго». По ее мнению, первые упоминания о жаргоне (как лексике криминальных элементов) относятся к XV в. Во французском языке использовались термины «jargon», «jobelin», которые постепенно заменил термин «argot». «Постепенно, – утверждает ученый, – с появлением различных профессиональных и социальных жаргонов, объем термина изменился, под *арго* стали понимать устный язык, который состоит из более или менее произвольно выбираемых элементов одного или нескольких естественных языков и применяется отдельной социальной группой с целью языкового обособления от остальной части данной языковой общности» (с. 8–9).

Именно в этом значении Э.М. Береговская использует термин «арго» в своей работе. Данный термин применим и к языку криминальных элементов, и к языку солдат, студентов, и др. социальных групп. В отечественном языкознании имеется разноречивость в использовании термина «арго»: одни ученые понимают под ним условные языки русских ремесленников и торговцев [Бондалетов 1967], другие – исключительно язык криминальных элементов [Грачев 1997], третьи – просторечную лексику [Елистратов 1994].

Слово «арго» впервые появилось в русской литературе в 60-х годах XIX в. в романе «Петер-

бургские трущобы» (1866 г.). Вс. Крестовский утверждал, что русские деклассированные элементы имеют свое *argot*. Лексема *арго* (франц. *argot*) представляет собой искаженное франц. *ergot* – «шпора петуха», символ воровского ремесла. Французские преступники XIII–XIV вв., чтобы узнавать своих, носили привязанную к поясу эту часть петушиной лапки (с. 12). Что-то подобное было, вероятно, и у русских преступников. К сожалению, это мы можем только предполагать. Вещественные символы были очень распространены в то время.

В России термин «арго» получил распространение среди языковедов лишь в начале XX века. До этого лексика деклассированных элементов в основном называлась «условным языком преступников», «байковым языком», «музыкой». Ср., например, название рукописи В.И. Даля «Условный язык петербургских мошенников, известный под именем музыки или байкового языка». «Байковый» – от слова *байка* – «побасенка, сказочка», в свою очередь, образовалась от русского глагола *баять* – «говорить».

В начале XX века к слову *музыка* прибавилось и слово *блатная*. В 1908 г. появился словарь В.Ф. Трахтенберга с любопытным названием «Блатная музыка. (Жаргон тюрьмы)». И.А. Бодуэн де Куртенэ в статье, посвященной изучению арго, и не называет его иначе, как «блатная музыка» [Бодуэн де Куртенэ 1963].

Э.М. Береговская в своей монографии рассматривает и культурологические аспекты французского арго: проблемы использования его в языке художественной литературы, устной речи французов и – шире – во французском общенародном языке. По ее мнению, «арготический “взрыв” XIX века прошел не безболезненно» (с. 17). Лингвисты и писатели по-разному относились к использованию арго. Одни приветствовали употребление его элементов, другие были категорически против, третьи, выбрав «золотую середину», считали его как

неизбежную лингвистическую данность, которая будет активно влиять на французский язык, в том числе и на его литературную норму. Сравнивая исследования Э.М. Береговской французского аргю последней трети XX в. с современными процессами, имеющими место в русском языке, можно наблюдать удивительную картину: использование арготизмов в современном русском языке во многом повторяет французский вариант, имевший место в XIX столетии – то же активное использование арготизмов в языке художественной литературы, та же борьба пуристов и антинормализаторов, те же многочисленные и разноаспектные исследования.

Э.М. Береговская отмечает, что арготизмы пришли во французскую литературу вместе с балладами Ф. Вийона. Загадка этих баллад, написанных на аргю кокильяров, – пишет она, – интриговала не одно поколение филологов. Их расшифровке посвящен ряд работ французских ученых. Заметим, что данные баллады появились в XV веке. Однако арготизмы французских деклассированных элементов этого периода переведены на русский язык на основе лексики криминального мира конца XIX – начала XX в.! К сожалению, исчез дух французского XV века.

История французского аргю, четко и лаконично изложенная в книге Э.М. Береговской, свидетельствует о его «живучести» и в то же время изменчивости под влиянием социальных и культурных факторов. Это можно подтвердить наблюдениями, сделанными целым рядом французских лингвистов в последние десятилетия.

Свидетельством особого интереса к аргю явилось создание в 1986 году Центра арготологии при Сорбонне, результатом деятельности которого стал выпуск издательством «Лярус» словаря аргю в 1994, переизданного в 2002 году [Colin, Mével 1994; 2002]. Научный руководитель Центра Д. Франсуа-Жежер во введении к этому фундаментальному изданию обосновывает общность взгляда его создателей на существование аргю как языкового феномена современной Франции, несмотря на то, что он является «вторичным» по отношению к общеупотребительному французскому языку. Отмечается, что с начала XX века аргю попадает в широкий обиход, сливается с такими функциональными зонами, как профессиональные разговоры – «технолекты», но это не означает, по мнению автора, его исчезновения, а скорее размывание его границ. Подобная точка зрения соответствует сформулированной ранее концепции А. Бонара в Большом Лярусе. Он подчеркнул, что не следует забывать о криптологичности аргю в замкнутых социаль-

ных группах, вследствие чего можно говорить об аргю «во множественном числе». Основой этих разновидностей являются классические формы: верлан, люшебель, ларгонжи, жаванэ. Основным же носителем аргю сегодня является «уличная толпа, не всегда живущая в дружбе с законом».

В современных публикациях акцентируются социальные, культурные и лингвистические факторы, влияющие на функционирование аргю. Аргю предстает не как традиционное выражение грубости, а как проявление народной мудрости, что придает ему «вкус, важность, красочность и легкость» [Mandelbaum-Reiner 1996]. Э.М. Береговская в ряде своих статей, посвященных аргю во французском и русском языках, также приходит к выводу, что «аргю, как его не называй – жаргон, сленг или социолект – это не вредный паразитарный нарос на теле языка, ... а органическая и в какой-то мере необходимая часть этой системы» [Береговская 1996]. Для лингвиста она интересна как лаборатория, в которой многие языковые процессы происходят быстрее, так как они не сдерживаются нормой [Береговская 1997; ср. 1975; 1996].

Тенденциям, наблюдаемым в современной французской разговорной речи, был посвящен в 2002 г. специальный номер журнала «La linguistique» [LL 2002]. Научные публикации этого выпуска свидетельствуют о том, что в поле зрения исследователей постоянно находится эволюция аргю, его взаимодействие с другими разновидностями разговорной речи, а также его функции и языковые формы. Так, выделяется особый регистр разговорной речи, изобилующий арготическими элементами, модными неологизмами, иронической игрой слов и имеющий ярко выраженную сниженную тональность. Этот «новомодный французский» получил несколько наименований: «le français relâché», «le français branché», «le français kiskose», «le français cablé». Р. Бовэ определил его как «мозаику» из аргю, патуа, социальных говоров, изменений смысла, неологизмов, новых образов, что делает общение как бы закодированным, предназначенным для людей, которые объединяются по социальному признаку, профессии, полу, возрасту, происхождению (например, автолюбители, меломаны, спортсмены, церковнослужители) [Beauvais 1975].

П. Мерль в получившей широкую популярность книге о судьбе аргю выразил ностальгию по классическому аргю и критически оценил его модификации в различных социальных прослойках и ситуациях [Merle 1990]. Назвав этот говор «fast food», он обвинил его в потере красочного, живого, волнующего характера и

в превращении всего лишь в новинку. Сферы его употребления: бар, пивная, такси, клуб, туристическая поездка, тротуар и т. д. П. Мерль попытался отразить современное состояние этой языковой сферы в «Словаре аргос конца века» [Merle 1996], в котором, по мнению автора предисловия С. Дюнетона, ощущается «деструкция» и «мутация» аргоса, отражающие современное состояние общества и, главным образом, речевое поведение молодежи.

В современных лингвистических публикациях и в прессе, широко дебатирующей тенденции развития языка во Франции, употребляются в качестве терминов «новый французский» («le nouveau français») и «молодежный французский» («le français des jeunes»), которые выступают как синонимичные названия речи, присущей молодому поколению. Эта разновидность разговорной речи характеризуется грамматическими отклонениями от нормы, спорадическим употреблением традиционных арготизмов и многочисленными новыми «словечками» в целях оригинальности и сокрытия от взрослых подростковых секретов.

Наблюдается стремление старшего поколения ассимилировать этот говор, выражаться псевдомодным языком в целях поддержания контакта с молодежью. С возрастом пристрастие к молодежному французскому уменьшается, речь становится более конформистской.

Особого внимания в языковой ситуации во Франции заслуживают явления, связанные не столько с возрастным фактором, сколько с фактором социально-политическим. Имеется в виду форма речевого взаимодействия в маргинальных слоях общества, большую часть которых представляют собой иммигранты. Это речь обитателей кварталов, окраин больших городов, не имеющих образования, многие из которых плохо владеют французским языком. Данная разновидность наглядно представлена в работе Ж.-П. Гудайе [Goudailler 1997].

Задаваясь вопросом, что же это за язык, автор склонен считать его субъязыком, который обедняет французский, сводя его к роли языка-посредника или койне. Основными причинами его возникновения являются нищета, экономический кризис, протест, новыми, по сравнению с традиционными темами аргоса, — безработица, СПИД, отношения в землячестве по национальному признаку. В качестве основных функций выступают криптологическая, идентифицирующая и аксиологическая, образующие оригинальный гибрид. Арготическая основа этого регистра несомненна, на нее наслаивается пласт региональных говоров (например, Марселя) и заимствованной лексики. К. Ажеж в предисловии к указанной работе справедливо подчеркивает, что данная раз-

новидность является отдельным феноменом современной французской разговорной речи, «лингвистической манифестацией бунта, промежуточной культуры и глубокой социальной ломки».

Распространение и коммуникативная роль данного регистра настолько велика, что в лингвистический обиход вошел новый термин «язык окраин» (*la langue des cités*). Ж.П. Гудайе уверенно аргументирует его правомерность, учитывая внушительную часть современного населения Франции, употребляющую данный регистр [Goudailler 2002: 7].

Новым термином в арготологии явился и термин «общее аргос» (*argot commun*), обозначающий, в противовес предыдущему, широкий и вседоступный арготический обиход. Это связано с демократизацией общества, смещением различных социальных прослоек и возрастных групп в профессиональной деятельности, влиянием средств массовой информации, языковой модой.

Приведенная фрагментарная картина судьбы аргоса в современной Франции свидетельствует о ярком своеобразии этого языкового явления и его привлекательности для всестороннего лингвистического изучения.

Исследуя причины перехода арготизмов в различные лексические системы французского языка, Э.М. Береговская подчеркивает, что «социальные диалекты структурно и функционально гораздо теснее связаны с общенародным языком, чем территориальные». Развивая эту мысль применительно к современному этапу русского языка, можно констатировать, что влияние территориальных диалектов в настоящее время очень незначительно, а в общенародный язык активно переходят социолектизмы. К сожалению, это далеко не лучший источник пополнения словарного запаса общенародного языка, так как в системе социолектизмов многочисленны лексемы криминального мира, несущие на себе отрицательную коннотацию. Читая книгу Э.М. Береговской, еще и еще раз убеждаешься в прозорливости ее автора, в умении заинтересовать читателя и исследователя, наметить пути дальнейших арготологических изысканий.

Заслуга автора монографии в том, что проделана кропотливая работа, причем в диахроническом плане.

В настоящее время выходит множество работ по социальным вариантам языка, однако можно констатировать, что подлинно научных среди них мало.

Работа написана хорошим научным языком, с опорой как на предшествующих, так и на современных ученых, специализирующихся в разрешении проблем данной тематики.

Книга Э.М. Береговской, безусловно, будет хорошим подспорьем для написания исследований по функционированию арготизмов не только в языке художественной прозы. Эта книга начинается с эпиграфа – слов известного лингвиста М. Кутнера: «Не зная арга, едва ли можно понимать современный французский текст». Эти слова вполне применимы и к изучению лингвистической ситуации в России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Береговская 1975 – Э.М. Береговская. Социальные диалекты и язык современной французской прозы. Смоленск, 1975.
- Береговская 1996 – Э.М. Береговская. Молодежный сленг: формирование и функционирование // ВЯ. 1996. № 3.
- Береговская 1997 – Э.М. Береговская. Французское арго: эволюция его восприятия // ФН. 1997. № 1.
- Бодуэн де Куртенэ 1963 – И.А. Бодуэн де Куртенэ. «Блатная музыка» В.Ф. Трахтенберга // И.А. Бодуэн де Куртенэ. Избранные труды по общему языкознанию. Т. 2. М., 1963.
- Бондалетов 1967 – В.Д. Бондалетов. Заимствования из германских языков в лексике русских условно-профессиональных арго // Язык и общество. Саратов, 1967.
- Грачев 1997 – М.А. Грачев. Русское арго. Нижний Новгород, 1997.
- Елистратов 1994 – В.С. Елистратов. Словарь московского арго. М., 1994.
- Ермакова, Земская, Розина 1999 – О.П. Ермакова, Е.А. Земская, Р.И. Розина. Слова, с которыми мы встречались: Толковый словарь русского общего жаргона. М., 1999.
- Beauvais 1975 – R. Beauvais. Le français kiskose. Paris, 1975.
- Colin, Mével 1994 – J.-P. Colin, J.-P. Mével. Dictionnaire de l'argot. Paris, 1994.
- Colin, Mével 2002 – J.-P. Colin, J.-P. Mével. Dictionnaire de l'argot français et de ses origines. Nouvelle édition. Paris, 2002.
- Goudailler 1997 – F.-P. Goudailler. Comment tu tchatches! Dictionnaire du français contemporain des cités. Paris, 1997.
- Goudailler 2002 – F.-P. Goudailler. De l'argot traditionnel au français contemporain des cités // La linguistique. V. 38. 1. 2002.
- LL 2002 – La linguistique. Argot et argotologie. V. 38. 1. 2002.
- Merle 1990 – P. Merle. Le blues de l'argot. Paris, 1990.
- Merle 1996 – P. Merle. Le dico de l'argot fin de siècle. Paris, 1996.
- Mandelbaum-Reiner 1996 – F. Mandelbaum-Reiner. L'argot ou les mots de la pudeur // Langage et société. 1996. № 75.

М.А. Грачев, О.С. Сапожникова